

Джон Диксон Карр

ОНА УМЕРЛА
КАК ЛЕДИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE GILDED MAN
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1942
SHE DIED A LADY
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1943
HE WOULDN'T KILL PATIENCE
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1944
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Ирины Иванченко, Андрея Полошака, Сергея Самуйлова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-25762-7

© И. В. Иванченко, перевод, 2025
© А. С. Полошак, перевод, 2025
© С. Н. Самуйлов, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ЗОЛОТОЙ ЧЕЛОВЕК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— А это, — сказала Бетти, — наш маленький театр.

Протянув руку за дверь, она пощелкала выключателем, зажигая одну за другой световые панели. Ее спутнику, когда он заглянул внутрь, не в первый уже раз показалось, будто он попал в одну из сказок «Тысячи и одной ночи».

— Тогда, конечно же, освещение было газовое, — добавила Бетти. — В остальном все практически то же самое.

— Так это здесь она устраивала свои частные представления?

— Да. И здесь же умерла.

Плавными линиями и мягкой обивкой напоминающий шкатулку для драгоценностей, миниатюрный театр наполнился теплым свечением. Тяжелые бархатные портьеры охраняли его от света и звуков. В цветовой гамме интерьера преобладали унылые золотисто-серые тона. Зал был футов сорок в поперечине, круглой формы, с любопытным резным орнаментом. На общем фоне закругленных стен выделялась одна-единственная прямая линия, образованная сценой. Сама сцена, расположенная в передней части зала, представляла собой обычный, застеленный ковром помост, обрамленный золоченой аркой. В глубине зала, за деревянными перилами с монограммой «Ф. В.», стояло несколько кресел — места для зрителей. Все здесь дышало атмосферой шестидесятых годов прошлого столетия...

— Если не считать *этого*, — добавила Бетти, сопровождая свои слова указующим жестом.

Николас Вуд рассмеялся. И тут же подумал, что, пожалуй, уместнее было бы выразить сочувствие, потому что девушка досадливо нахмурилась. Причиной ее неудовольствия был крохотный, но оборудованный в современном стиле бар. В зеркалах отражались бокалы и бутылки, над стойкой красовались шутливые объявления: «Чеки не принимаются» и «Пари строго запрещены».

— Папина придумка, — объяснила Бетти и состроила гримаску. — У него все идеи практические. Он даже кинопроектор поставил вон за той стеной. При желании можно опустить экран над сценой.

— А ваша мать?

— О, мама была вне себя от злости. И все же...

Николасу Вуду пришлось напомнить себе, что он находится на верхнем этаже загородного дома, что крыши завалены снегом, а в батареях центрального отопления — здесь, рядом, — журчит вода. С баром или без него, этот миниатюрный театр создавал определенную атмосферу. Его мягкая, уютная тишина, неброская роскошь и мечтательная отстраненность вызывали невольное желание ходить на цыпочках и говорить шепотом.

Атмосфера определенно произвела на него впечатление — Бетти Стэнхоуп видела это. И он чувствовал — ей это приятно.

Что ж, по крайней мере, проблема, с которой он столкнулся здесь, не касалась ее. Бетти была девушкой романтического склада, любившей все яркое, колоритное, причудливое. Впрочем, ни в манере одеваться, ни в стиле поведения это никак не проявлялось.

Спокойная, с мягким голосом и серьезным лицом, эта девушка, лет двадцати пяти или около того, порой удивляла затаенной улыбкой, словно освещавшей изнутри ее лицо и глаза. Хорошенькая в общепринятом смысле этого слова, с приятными чертами лица и гладкой, словно с восковым налетом, кожей, подстриженными под пажа каштановыми волосами и искренними голубыми глазами — такой вы ви-

дели ее с самого начала. Но мелькавшая изредка улыбка, при которой уголки ее губ плутовато загибались, выявляла свойство натуры, которое одни назвали бы чувством юмора, а другие — чертовщинкой. Улыбка эта вспыхивала и тут же гасла, и лицо становилось невыразительным.

В строгом черном платье, без украшений, она стояла посередине этого секретного театра и кивала сама себе, как будто довольная тем, что все на своих местах.

— Кстати, раз уж мы здесь, — улыбнулась Бетти, — не хотите ли выпить?

— Спасибо.

Бетти подняла откидную крышку барной стойки и скользнула в нишу. На каштановые, с золотистыми искорками волосы девушки упали блики конусообразной лампы над стойкой, самого яркого источника света в этом сумрачном помещении. Внимание Ника тем временем привлекла золоченая монограмма «Ф. В.» на стене под прилавком.

— Флавия Веннер. Так вы говорите, она умерла здесь?

— Да. Упала за смертью во время представления «Саломеи».

— «Саломеи»?

— Да-да. Пьесу специально для нее написал... — Бетти назвала имя поэта Викторианской эпохи, настолько выдающегося, что упоминание его было равнозначно упоминанию аббатства, в котором он был похоронен. Заметив удивленное выражение на лице своего спутника, она добавила: — Да, все правильно. У нас есть рукопись в библиотеке. Виски или бренди?

— Виски, спасибо. И что...

— Вы правильно подумали. Конечно, был ужасный скандал. Но дело замяли. В те времена приличные люди полагали, что не важно, что вы делаете, если вы делаете это скрытно.

На полках бара стояли в гнездах перевернутые вверх дном бутылки с ввернутыми в них краниками — как в настоящем питейном заведении.

Бетти налила виски и с весьма дерзким видом пододвинула к нему стакан и сифон с содовой.

— И вы с этим согласны?

Она пожала плечами:

— Да. Пожалуй, да. Но моя сестра, боюсь, не согласилась бы.

«Нет, — подумал он, — Элеонора определенно не согласилась бы».

— Элеонора сказала бы: «Не важно, что вы делаете, — продолжала Бетти, — если вы делаете это открыто, показываете, что вы человек без комплексов». — Бетти наморщила носик и рассмеялась. — Да, вы правы. Терпеть не могу это слово.

— Комплексы?

— Да. По-моему, оно выражает все новое, блестящее, модное и скучное.

— Хотите сказать, вы — викторианка? — спросил он беззаботно и как бы невзначай, при этом понимая, что задает этот вопрос более чем наполовину всерьез. — По духу?

— Вряд ли это так. Но я согласна со своим отцом, по крайней мере в том, что не люблю всякие фантазии и причуды. Вам любой подтвердит, у него никогда не бывало непрактичных идей.

— Интересно, — сказал Николас Вуд.

И тут же понял, что допустил ошибку.

Он понял это по ее лицу, по быстрому взгляду голубых глаз.

Слово выскользнуло само собой; он рассеянно разглядывал стакан и утратил бдительность. Бетти с полным знанием дела протираала бокалы, но тут ее пальцы замерли. Они посмотрели друг на друга. Он поднял стакан и выпил.

— Почему вы так сказали? — напрямик спросила Бетти.

— Сказал что?

— О моем отце.

— Моя дорогая мисс Стэнхоуп! Мне просто интересны привычки денежных воротил.

— Неужели?

— Взять хотя бы вашего отца, имеющего миллионы...

— Не так много.

— Ладно. Пусть даже несколько тысяч. — Ник поставил стакан. — И вот, как памятник богатству этот дом, где все к вашим услугам — стоит только нажать кнопку. Мне просто любопытно: такие люди вообще ошибаются? — Его каблук утопал в толстом сером ковре. Приглушенный свет таился за настенными плафонами, обрезая тенями золоченые барельефы. Лицо Бетти, хорошо освещенное сверху, приняло непроницаемое выражение. Ощущение легкости и непринужденности в общении с ней испарилось, как и ее открытость и дружелюбие. Она перестала протирать бокалы и взялась полировать стойку той же тряпочкой.

— Флавия Веннер называла это место Домом Масок.

— Почему?

— Не важно. — Бетти подняла голову и посмотрела на него в упор. — Мистер Вуд, кто вы?

— Таким вопросом вы любого ошарашите. Я имею в виду, что вот так, ни с того ни с сего...

— Пожалуйста, не шутите со мной.

— У меня и в мыслях этого нет. Я... — Он чувствовал себя неловко под ее пытливым женским взглядом. — Я — друг вашего отца. Он пригласил меня сюда на Новый год. Вы очень похожи на него, мисс Стэнхоуп.

Она опустила глаза:

— Вы хорошо знаете моего отца?

— Да, довольно хорошо.

— Однако вам неизвестно, что на самом деле он не мой отец? Что оба моих родителя состояли раньше в другом браке? Что Элеонора — его дочь от первого брака, а я родилась у мамы в ее первом замужестве? Вы — его близкий друг, но не знаете этого?

В тишине было слышно, как тикают часики за баром; их стрелки показывали двадцать минут одиннадцатого. Ник рассмеялся:

— Ваши методы... Предпочитаете действовать напрямик, да?

Он тут же пожалел о сказанном, увидев, как сильно она огорчилась. Как случилось, что разговор принял такой странный оборот? Как вообще определить тот момент, когда ты отклоняешься от доверительного общения и заходишь в тупик?

— Если у вас есть сомнения в отношении меня, — добавил он, — обратитесь к Винсенту Джеймсу. Он может за меня поручиться.

«Хорошо, — подумал Ник, — что можно сослаться на Винсента Джеймса. Если Винсент, приняв важный вид, скажет что-нибудь вроде: „Ник Вуд? Я его знаю. С ним все в порядке“, — самый беспокойный хозяин — или хозяйка — тут же успокоится».

— Пожалуйста, простите, — вырвалось у нее вдруг. — Наговорила ужасных вещей да вдобавок еще и нагрубилась.

— Вовсе нет. Расскажите мне о Флавии Веннер.

— Вам интересно? Правда интересно?

— Очень даже.

Бетти облокотилась на отполированную стойку. В падающем сверху свете ее каштановые волосы вспыхивали золотистыми искорками. Взгляд ее блуждал по залу, губы беззвучно шевелились, как будто она не знала, с чего начать.

— Дом был ее собственностью, — заговорила Бетти. — В середине шестидесятых его купил ей лорд Саксманден.

— Она была знаменитой актрисой?

Бетти подняла бровь:

— Скажем так, не знаменитой, а скандально известной. Хотя сама она была о себе высокого мнения и хотела играть классический репертуар. Но смотреть приходили не пьесу,

а саму Веннер. Издавна повелось, что частные постановки осуществлялись под патронажем членов королевской семьи.

Перед его глазами вдруг возникло безумное видение: покойная королева Виктория входит, прихрамывая, в этот театр, хмуро оглядывается и объявляет, что ей неинтересно.

Бетти, вероятно, угадала, о чем он думает, потому что по ее лицу скользнула тень улыбки.

— Нет-нет! Я имею в виду особ не столь высокого звания. Тем не менее определенные условности соблюдались. Знаете, что такое бенуар?

Он попытался напрячь память.

— Они есть во французских театрах, да? Такая приватная ложа, что-то наподобие камеры с прорезанной в стене дырой. Люди, которые держат траур, могут, находясь там, смотреть спектакль, оставаясь незамеченными.

Бетти кивнула.

— Пойдемте, посмотрите наш, — предложила она и, выскользнув из бара, пересекла театр. Ник Вуд последовал за ней. Мимо отгороженных перилами кресел они прошли к задней стене. Висящие здесь тяжелые бархатные портьеры, на его взгляд, ничем не отличались от портьер на других стенах. Но Бетти сдвинула одну из них в сторону, открыв темную нишу с мягкой обивкой. Присмотревшись, Ник увидел мягкое кресло едва ли не с диван шириной, установленное на возвышении.

— Ваша августейшая особа, — пояснила Бетти, — пребывала здесь в уединении и безопасности.

— Но как ей удавалось что-то увидеть?

— Входите и узнаете, — пригласила Бетти.

Заинтригованный, он вошел в альков и опустился в кресло. Бетти вошла следом и мягким движением задернула портьеру. Объявшая их тьма была бы беспросветной, если бы не продолговатая узкая прорезь, расположенная примерно на уровне глаз, через которую, словно через серую плетеную марлю, была видна сцена.

— Вся хитрость в плетении, — объяснила Бетти. — Прорезь практически незаметна, если только не направить на нее сильный свет.

Комната в комнате, альков в алькове. С того места, где сидел Ник, открывался хороший вид на сцену с мраморным камином в глубине. Вытянув шею вправо, он даже мог увидеть бар с его цветными этикетками вторгшейся современности.

— Этих прорезей было несколько, — сказала Бетти. — Среднюю, самую большую, отец использовал, когда включал кинопроектор. Душно, да?

Вот в этом самом месте Ник и коснулся Бетти тыльной стороной ладони.

Легкое прикосновение, такое случайное и непреднамеренное, может всколыхнуть эмоции, совершенно непропорциональные вызвавшему их действию. Оно способно пробудить определенные мысли даже там, где этих мыслей отродясь не водилось.

В голове у Николаса Вуда вспышкой пролетело напоминание о том, что он здесь не гость и его планы предусматривают своего рода предательство Дуайта Стэнхоупа и его мирских ценностей.

Но он ничего не мог с собой поделать. Он слышал и почти чувствовал легкое дыхание сидящей рядом Бетти. Тьма, секретная комната, тяжелый, несвежий запах портьеры — и вот теперь еще это прикосновение. Сквозь щель в занавеске просачивался слабый свет. Бетти быстро отвернулась, так что он увидел только один ее глаз, испуганный. Он понял, что у нее мелькнули те же мысли и они тоже застали ее врасплох.

— Нам бы лучше... — начала она и не договорила.

Ожидание. Вот что это было — ожидание. «Что ты станешь делать? Да, а что ты станешь делать? Думаешь ли ты о том же, о чем думаю и я? Или это пришло в голову только мне?» В таких обстоятельствах, в таком безмолвном разго-

воре секунды — даже полсекунды — могут показаться минутами.

Он опустил руку, и она попала на тыльную сторону ее ладони. Она не отодвинулась и вообще не шелохнулась. Его плечо под тонким сукном смокинга касалось ее плеча под черным тюлем.

Он чувствовал на своей коже ее дыхание, а когда повернулся к ней, в тишине громко и отчетливо прозвучал новый голос. Они оба вздрогнули.

— Ну вот! Кто-то включил и не выключил свет.

Здесь следует отметить, что Бетти дернулась, будто ее обожгло. Но Ник, выставив руку, чтобы не потерять равновесия и не вывалиться из-за портьеры, как труп в детективном романе, резко повернул голову вправо.

— Спокойно, — прошептал он на ухо девушке. — Это всего лишь Винс... Нет, господи, да это же ваш отец!

— Ладно, — послышался мягкий голос Дуайта Стэнхоупа. — Что ты хотел мне сказать?

В свои пятьдесят с лишним Дуайт Стэнхоуп отличался бодростью и жизненной силой, которым позавидовал бы и тридцатилетний. В поле зрения пары в алькове попала его спина в ладно скроенном пиджаке. Подойдя к бару, он повернулся и облокотился о стойку.

Высокий, подтянутый, без капли лишнего жира, он обычно держал прямую спину. Волосы его были того цвета, который по традиции называют серо-стальными, хотя больше он напоминает сырую, немытую овечью шерсть. Мягкие глаза, сдержанный голос, деликатные манеры, а кроме того, горячий румянец, указывающий на высокое кровяное давление.

— Смотри-ка! — Он взял со стойки пустой стакан и принюхался. — Здесь кто-то выпивал.

— Все пьют, — заметил его спутник, невысокий худощавый мужчина с наполовину лысой головой. — Мне это не нравится. Им же плохо будет.

— Все с ними будет в порядке.

- Твоя дочь слишком много пьет. И ты это знаешь.
- Которая дочь? — улыбнулся Дуайт Стэнхоуп.
- Элеонора, конечно. Ты же не подумал, что я имел в виду Бетти? Бетти — хорошая девочка.

В этом месте, если не раньше, Бетти Стэнхоуп и Николасу Вуду полагалось бы выйти из алькова.

Казалось бы, это так просто. Выходишь и говоришь: «Извините, мы просто изучали театральный эффект при закрытых шторах». Но когда нечистая совесть говорит, что думали вы совсем о другом и эта ваша вина написана на вашем лице, то такая ситуация порождает определенную нерешительность.

Тем более, подумал Ник, в присутствии мистера Буллера Нэби.

В маленьком сухощавом и юрком человечке он узнал мистера Нэби.

Явившийся в этот вечер к обеду и не говоривший ни о чем, кроме своего пищеварения, мистер Нэби задерживаться в гостях не собирался. Оказалось, что неподалеку, примерно в четверти мили отсюда, у него имеется загородный дом. Сам же мистер Нэби был финансистом, чья репутация в Сити ценилась почти так же высоко, как и репутация Дуайта Стэнхоупа.

ГЛАВА ВТОРАЯ

До крайности смущенная создавшейся ситуацией, Бетти отвернулась и даже предприняла робкую попытку выбраться из алькова, но Ник удержал ее. По правде говоря, у него была на то своя причина.

Оставшись на месте, они продолжали наблюдать за происходящим через забранную марлей прорезь.

— Так что это за разговоры о какой-то новогодней вечеринке? — спросил мистер Нэби, забираясь на барный табурет и цепляясь за него ногами.

— Мы так это называем.

— Новогодняя вечеринка! Как по мне, дурацкая затея.

Дуайт Стэнхоуп слегка улыбнулся:

— Отнюдь. Жена хотела устроить рождественскую вечеринку с маскарадом. По правде говоря, терпеть не могу наряжаться.

Мистер Нэсби хмыкнул в знак согласия, хотя, похоже, и не был столь категоричен в своем неприятии маскарадов, как хозяин дома.

— Идем дальше, — продолжал Стэнхоуп. — Рождественская вечеринка предполагает шум, суету и беспорядок, а я всего этого не люблю. Так что я легко отделался.

— Ну и хитрая же ты свинья, Дуайт, — беззлобно заметил мистер Нэсби.

— Благодарствую. Кроме того, это, собственно говоря, и не вечеринка вовсе. Гостей только двое — Винсент Джеймс и молодой Вуд. Я хотел пригласить командера, но он все еще на маневрах.

— Винсент Джеймс, — сказал мистер Нэсби. — Вот уж кому дома не сидится. Если не напросится к знакомым на уик-энд, наверняка мозги себе вышибет от скуки. А понимаешь ли ты, Дуайт, что мы с тобой из кожи вон лезем, чтобы прокормить так называемую знать и джентри? Как французские шеф-повара.

Стэнхоуп задумался и, казалось, хотел что-то добавить, но сдержался.

— Не только их, но и наши семьи, — напомнил он. — А что еще нам остается?

— Шеф-повара! — с горечью молвил мистер Нэсби. — Вот мы кто. Шеф-повара!

Стэнхоуп усмехнулся:

— Перестань, Буллер. Уж ты-то точно из кожи вон не лезешь. Ты вообще ничем себя не утруждаешь, а работаешь только потому, что иначе просто не знал бы, куда себя деть. Ты — мошенник.

— А ты терпеть не можешь мошенников?
— Не то слово, — кивнул Стэнхоуп.
— Фу. — На стойке стояло блюдечко с картофельными чипсами, и мистер Нэсби пододвинул его поближе. — Этот парень, Вуд, что ты о нем знаешь?

— Немного. Он друг Бетти. Она познакомилась с ним где-то в Лондоне и очень просила, чтобы я его пригласил. Вот и все.

Наступило молчание.

Бетти медленно повернула голову и посмотрела на своего спутника.

Произнося эту откровенную ложь, Дуайт Стэнхоуп снова небрежно облокотился о стойку. Вероятно, даже это показалось ему умалением собственного достоинства. В его мягких, честных глазах не мелькнуло и тени любопытства. В следующий момент он уже сменил тему, причем с такой легкостью, будто смахнул крупинку соли со стола. Теперь в разговор вкралась новая нотка.

— О чем ты хотел со мной поговорить? — спросил он.

— А? Поговорить с тобой?

— Да. Ты хотел поговорить со мной о чем-то здесь. С глазу на глаз.

Некоторое время мистер Нэсби молча жевал картофельные чипсы. Наблюдатели в алькове видели его затылок с довольно длинными и редкими, с проседью волосами.

— Ты подумал о моем предложении?

— Каком именно?

— Насчет золотого человека, — ответил мистер Нэсби.

Скептическая и в то же время невыразимо добрая улыбка тронула лицо Дуайта Стэнхоупа. Казалось, он от всей души сочувствует старому другу.

— Буллер, старина! Ты же не всерьез? — Он покачал головой.

— Так почему нет?

— Ты практичный, деловой человек, да?

— Да, я практичный, деловой человек. — Мистер Нэсби шлепнул ладонью по краю стойки. — Поэтому и говорю, что это можно сделать.

— Золотой человек, — повторил Стэнхоуп. Дальнейшие его слова были лишены для двух слушателей в алькове всякого смысла. — Одно-единственное тщательное обследование озера — и все наши беды позади. Ты снова взялся за приключенческие романы для школьников? Нет, нет, нет. И все это обойдется... Забыл, сколько это будет стоить?

Мистер Нэсби не сдавался:

— Ничего ты не забыл. Ты сам видели расчеты. Но так и быть, скажу. Пятьдесят-шестьдесят тысяч. — (Дуайт Стэнхоуп соорудил страдальческую гримасу.) — Пятьдесят-шестьдесят тысяч, — упрямо повторил мистер Нэсби, — чтобы выполнить работу как следует.

— Хорошо! Если, как ты считаешь, игра стоит свеч, то почему не берешь все на себя?

— Разделяй риски, — сказал мистер Нэсби, качая головой. — Самый лучший принцип. Ты и без меня это знаешь. Разделяй риски, а потом выходи с прибылью, пока удача не отвернулась.

— Извини, старина, но я не могу разделять риски в такого рода предприятии. Мне нужен только золотой человек.

— Послушай, Дуайт, — перебил его мистер Нэсби, — можно спросить тебя кое о чем?

— Конечно.

— У тебя сейчас туго с деньгами?

Стэнхоуп по-прежнему стоял, небрежно облокотившись о стойку и сцепив пальцы рук. Во время разговора на его лице держалась, словно приклеенная, неподвижная и явно фальшивая улыбка. Но последний вопрос мистера Нэсби, похоже, искренне его позабавил.

— Нет, — ответил он. — Во всяком случае, проблем у меня не больше, чем у любого из нас. А почему ты спрашиваешь?

Мистер Нэсби не стал ходить вокруг да около.

— Ты ведешь себя чертовски странно.

— Например?

— Картины.

— Не понимаю.

— У тебя есть коллекция картин. — Сидя, как обезьянка, на барном табурете, мистер Нэсби взял еще чипсов. Лица его из алькова видно не было, но и затылок был достаточно красноречив. — Весьма ценных. По крайней мере, так говорят. Я сам в таких вещах не разбираюсь. Большинство их принадлежало той старой шлохе... как ее?

— Флавия Веннер?

— Верно, она самая. Флавия Веннер. Полагаю, они застрахованы. Если нет, то ты болван.

Стэнхоуп от комментариев воздержался.

— Раньше эти картины были надежно защищены, — продолжил гость. — Висели наверху, в галерее, где имеется хорошая охранная сигнализация.

— Ну и?..

— А что ты делаешь сейчас? Переносишь самые ценные вниз и вешаешь их в столовой. Где нет вообще никакой сигнализации. Где французские окна выходят прямоком на лужайку. Почему бы тогда не высунуть голову в окно и не посвистеть, — может быть, и Билл Сайкс¹ появится? Ты, случаем, не хочешь, чтобы их украли, а? Я спрашиваю на правах старого друга. Сам в таких вещах не разбираюсь.

Выдав этот набор предложений, мистер Нэсби принялся уплетать чипсы с такой скоростью, что вскоре на блюдечке ничего не осталось. В тишине сухое похрустывание как бы подводило черту под сказанным. Дуайт Стэнхоуп наблюдал за ним с приятной полуулыбкой на ничего не выражающем лице.

---

¹ *Билл Сайкс* — персонаж романа Ч. Диккенса «Оливер Твист», грабитель и убийца.

— Нет, — согласился он. — Не разбираешься.

— Это первый пункт. — Мистер Нэсби вытер соль с губ. — Второй пункт...

— Бу! — Оглушительный голос грохнул у него за ухом. Появившись из темноты, Элеонора Стэнхоуп обняла мистера Нэсби за плечи и смачно чмокнула в лысину. Он повернул голову — получилось почти по-черепаши, — чтобы взглянуть на нее, и второй влажный поцелуй пометил его над лохматой бровью.

— И куда ж это вы двое запропалились? — требовательно спросила она. — Кристабель хочет поиграть в «Монополию» или во что-нибудь еще. И кстати, где Бетти и тот симпатичный молодой исследователь?

— Мистер Вуд не исследователь, моя дорогая, — мягко сказал Дуайт.

— Я чувствую людей, — заявила Элеонора, — по духовным аурам. Или надо говорить «по ауре»? Всегда путалась со множественным числом. Если он не исследователь, то должен им быть.

— Лучше сядь, — довольно неучтиво сказал мистер Нэсби, — пока не упала.

— Как нелюбезно! — сказала Элеонора. — Думаю, мне нужно еще чего-нибудь выпить. Пожалуйста.

Никто не пошевелился.

Элеонора вздохнула.

— Раз так, придется сделать все самой. Ты не возражаешь, папа, если я выпью еще? — вежливо спросила она.

— Нет. Конечно нет.

Конечно же, он возражал.

По крайней мере один из наблюдателей признал, что Элеонора хорошо переносит алкоголь. Она не шумела, говорила спокойно, пусть даже чуть громче, чем обычно, глаза у нее блестели, и держалась она немного развязно, так что она вызывала симпатию, даже если вам хотелось ее поколотить.

Карр Дж. Д.

К 26 Она умерла как леди : романы / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. И. Иванченко, А. Полошака, С. Самуйлова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 640 с. — (Классика детектива. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25762-7

Золотой век детектива оставил немало звездных имен — А. Кристи, Г. К. Честертон, Г. Митчелл и др. В этой яркой плеяде Джон Диксон Карр (1906–1977) занимает самое почетное место. Убийство в запертой комнате, где нет места бешеным погоням и перестрелкам, а круг подозреваемых максимально ограничен, — излюбленный прием автора. Карр вовлекает читателя в сети ловко расставленных ловушек, обманных ходов и тонких намеков и предлагает принять участие в решении хитроумной головоломки, распутывая ниточки «невозможных» преступлений.

В настоящем издании публикуются романы Дж. Д. Карра «Золотой человек», «Она умерла как леди» и «Он никогда не убил бы Пэйшенс»; произведения написаны под псевдонимом Картер Диксон и входят в серию о взбалмошном и обаятельном сэре Генри Мерривейле, в портрете которого современники легко угадывали черты Уинстона Черчилля.

Романы публикуются в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКСОН КАРР
ОНА УМЕРЛА КАК ЛЕДИ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.05.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 6000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А, Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А, Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILD-34736-01-R